

Костюков Виталий Валерьевич
слушатель
Санкт-Петербургского университета МВД России
Россия, г. Санкт-Петербург
e-mail: vitalakos2202890@gmail.com

Научный руководитель: Тюнин Владимир Ильич
доктор юридических наук, профессор
профессор кафедры уголовного права,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
Россия, г. Санкт-Петербург

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОТИВОПРАВНОСТИ ДЕЯНИЯ

Аннотация: В статье проведён анализ определения и значения понятия противоправности деяния. Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью точного понимания границ уголовной ответственности, обеспечения законности и справедливости в правоприменительной практике, а также для предотвращения произвольного толкования норм уголовного права.

Ключевые слова: деяние, преступление, запрещенность, уголовная противоправность, признаки преступления.

Kostyukov Vitaly Valerievich
student
of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Russia, St. Petersburg

Scientific adviser: Tyunin Vladimir Ilyich
doctor of legal sciences, professor
professor of the department of criminal law,
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Russia, St. Petersburg

PROBLEMS OF DETERMINING THE UNLAWFULNESS OF AN ACT

Abstract: The article analyzes the definition and meaning of the concept of unlawfulness of an act. The relevance of the chosen topic is due to the need for an accurate understanding of the boundaries of criminal liability, ensuring legality and justice in law enforcement practice, as well as to prevent arbitrary interpretation of criminal law.

Key words: act, crime, prohibition, criminal illegality, elements of a crime.

Признак запрещённости деяния под угрозой наказания, предусмотренной УК РФ, в теории уголовного права именуется уголовной противоправностью. Этот признак считается формальным, поскольку представляет собой правовую форму выражения общественной опасности. В данном контексте подразумевается именно уголовная противоправность, впрочем в уголовном праве этот термин может иметь и иные значения. К примеру, среди признаков хищения сходным образом указывается противоправность, однако здесь это понятие трактуется в неуголовно-правовом значении. Противоправность свидетельствует, что хищение совершается при отсутствии действительного или предполагаемого права лица на изымаемые предметы. Данным признаком также можно отграничивать хищения от самоуправства (ст. 330 УК РФ).

Одно из общепринятых утверждений современной российской уголовно-правовой науки заключается в том, что противоправность является обязательным признаком преступления. Однако существуют разногласия относительно того, является ли этот признак главным либо производной от общественной опасности категорией. По мнению автора, эти споры не имеют большого значения для практики, в связи с чем мы оставим их в стороне. Ранее значимые аргументы по данному вопросу обосновывал Наумов А.В. В начале 90-х годов, когда идеи правового государства были на пике популярности, он утверждал, что считать противоправность преступления «вторичным», «производным» от общественной опасности признаком неправильно: «Необходимо изменить традиционное для советской науки уголовного права соотношение материального и формального признаков в определении (понятии) преступления... В правовом государстве места этих признаков находятся в обратном порядке. Общественная опасность деяния поэтому должна существовать лишь в рамках формального признака преступления» [1]. На данный момент обсуждение места признаков общественной опасности и противоправности в структуре дефиниции преступления не является столь острой.

В процессе дискуссий о проекте УК РФ 1996 года выдвигалось предложение ограничить определение преступления только признаком противоправности. Они считали этого достаточно, учитывая то, что понятие преступления адресовано, в первую очередь, правоприменителю. На самом деле, можно предположить, что признаки общественной опасности и виновности служат правилом, которым законодатель ставит себя в рамки в возможности признавать определённые деяния преступными (поскольку признать преступлением можно лишь те деяния, которые являются виновными и общественно опасными). «Однако указание на формальный признак в понятии преступления свидетельствует об обращении понятия преступления к правоприменителю, так как из этого понятия следует недопустимость признания преступлением деяния, не предусмотренного уголовным законом» [2].

Безусловно, вопрос о предусмотренности деяния законом устанавливается в рамках уголовного права. А признак противоправности? Какими нормами права устанавливается он? Выразим мнение, что проблематика характеристики противоправности считается основной при анализе понятия преступления. Со времён 19-20 веков основная масса российских юристов считали любое нарушение объективных или субъективных прав преступлением. Отечественные правоведы обсуждали концепцию общей противоправности, интерпретируя противоправность как нарушение различных правовых или социальных норм, существующих в обществе, можно отметить, что такой подход к противоправности как к понятию начал использоваться ещё в период формирования первых уголовных законов. Эти законы допускали применение аналогии и выделяли среди признаков преступления не только общественную опасность, но и более широкое понимание противоправности. Со временем, отказавшись от аналогии и включив в определение преступления требование его соответствия уголовному закону, российский законодатель изменил подход к этому понятию. Хотя термин «противоправность» оставался популярным среди юристов, в правовой литературе акцент все чаще делался на соответствие деяния уголовному закону. В результате понятие противоправности стало трактоваться

как уголовная противоправность, что нашло широкое отражение и в современных научных работах.

Следует учесть, что факт наличия преступных действий как характеристики преступления играет роль лишь тогда, когда исполнитель закона сознательно или небрежно нарушает положения уголовного права. Возникает сомнение: способны ли люди нарушать положения УК РФ, совершающие такие «обыденные» правонарушения, как воровство, уклонение от выплаты алиментов, убийство, неправомерное владение оружием и прочее, какие аспекты не связаны с применением уголовного кодекса? Ответить на этот вопрос непросто, так как он основывается на точке зрения Таганцева Н.С. и других исследователей, которые полагают, что нельзя отождествлять закон, нарушенный преступником, с тем, на основании которого ему назначается наказание. Рассматривая «нарушение уголовного кодекса» через призму «явной ошибки», можно прийти к следующим выводам: «Всякий уголовный закон содержит в себе описание преступного деяния (диспозитивная часть) и назначенное за него наказание (санкцию); но описание логически не может быть нарушено; напротив того, для применения закона уголовного, безусловно, необходимо, чтобы учинение было юридически тождественным с диспозицией закона, с его определением: неисполнение же или, вернее, неприменение санкции возможно, конечно, только со стороны органов судебной власти, а не со стороны правонарушителя» [3].

Необходимо подчеркнуть, что при анализе предусмотренности деяния с точки зрения уголовной юрисдикции и его противоправности с точки зрения законодательных или социальных стандартов, нормотворец не требует от сотрудников правоохранительных органов указывать, какие конкретно нормативные нормы поведения и конкретные нормы нарушил преступник в процессе квалификации преступления. В некоторых случаях, когда, например, речь идёт о несоблюдении различных правил, таких как правил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней, норм безопасности на объектах атомной энергетики, правил безопасности при ведении строительных работ, санитарно-эпидемиологических норм, уголовно-правовые

нормы могут быть бланкетными. Это ставит перед правоприменителем задачу определить, какие именно специальные нормы или правила были нарушены обвиняемым в процессе совершения общественно опасного деяния. В таких ситуациях предусмотренность деяния в уголовном законе одновременно подразумевает и необходимость указания на признак его противоправности.

Необходимо учитывать, что не все признаки состава преступления детально изложены в конкретных статьях УК РФ. В некоторых случаях определённый признак может не быть явно упомянут в статье, однако его можно логически вывести из описания других признаков этого состава или из общего контекста статьи или системы статей. «В этом случае для выявления всей полноты признаков состава преступления прибегают к известным методам толкования уголовного закона» [4]. Результаты толкования (выявленные признаки состава преступления) часто закрепляются в актах судебной практики, которые содержат разъяснения законодательства и имеют силу общеобязательных решений (постановления Пленума Верховного Суда РФ, обзоры судебной практики по вопросам законодательства и ответы на вопросы судов, утверждаемых Президиумом Верховного Суда РФ). К слову, диспозиция ст. 138.1 УК РФ не содержит какой бы то ни было цели в качестве элемента субъективной стороны данного состава преступления. Тем не менее, Пленум Верховного Суда РФ, разъясняя основания уголовной ответственности по вышеуказанной статье, уточнил, что «незаконное приобретение специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, образует состав преступления при условии, если приобретатель преследовал цель применения такого средства для совершения посягательства на конституционные права граждан» [5].

Обратим внимание на то, что общественно опасные деяния, которые не были учтены по какой-либо причине законодателем, а потому выпали из его поля зрения и, соответственно, не считаются уголовно наказуемыми, могут встречаться правоприменительными органами. Общественная опасность деяния, помимо этого, также может изменяться в связи с прогрессом в общественной и

научно-технической сферах. Эти изменения могут привести к пересмотру условий, при которых какие-либо деяния признаются общественно опасными и наказуемыми.

Исключительно в этом отношении законодатель не опирается на состав преступления при формировании уголовно-правовой нормы. Это утверждение верно, так как законодатель идентифицирует поведение, представляющее угрозу для общества, и в соответствующей статье описывает его признаки, отражающие ключевые криминальные аспекты. «С этой точки зрения уголовная противоправность – это объективное и субъективное единство. Более того, именно диспозиция обуславливает модель конкретного противоправного деяния и его признаков (объективных и субъективных), т.к. в реальной жизни состав связан именно с теми признаками, которые описаны в диспозиции правовой нормы. Диспозиция не подменяет собой состав, наоборот – состав противоправности раскрывается в диспозиции уголовно-правовой нормы» [6].

Подводя итог, акцентируем внимание на то, что общественно опасные деяния, считающиеся таковыми сегодня, завтра быть таковыми могут перестать, также в обратном порядке, может появиться потребность в запрещении новых деяний уголовным законом. Тем не менее, восполнение таких пробелов находится в пределах компетенции законодательных органов. Более никто (ни следователи, ни органы дознания, ни прокуроры, ни судьи) не может давать уголовно-правовую оценку деяниям, не подпадающим под действие уголовного закона. «Долг правоприменительных органов в случае обнаружения нового вида общественно опасных деяний – поставить вопрос об их законодательном запрещении, об установлении за их совершение уголовной ответственности».

Список литературы:

1. Пудовочкин Ю.Е. Противоправность как признак преступления: опыт анализа, проблемы, перспективы. Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 1. С. 70-81.
2. Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавриата,

специалитета и магистратуры / под ред. О.С. Капинус. М.: Издательство Юрайт, 2019. 704 с.

3. Козаченко И.Я. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2024. 430 с.

4. Шарапов Р.Д. Понятие преступления: правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации // Криминалисть. 2022. № 1 (38). С. 27-34.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 уголовного кодекса Российской Федерации)» // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».

6. Хилюта В.В. Состав преступления как онтологическая реальность непознанного бытия // Lex russica. 2020. Т. 73. № 12. С. 131-144.